

— Мира Васильевна, ну нельзя же так, — мягко укоряет Троицкая редакторшу. — Ведь это наша ведущая артистка. Нужно что-то придумать. Вы меня понимаете? (Со значением.) Ну вот и хорошо.

Благодарю и выхожу вслед за редакторшей. Придумает она, как же. Медленно спускаюсь по лестнице, протягиваю номерок гардеробщице, одеваю свою курточку, выхожу. Ох, ты! Уже темнеет. Иду к метро, а внутри все пусто. И усталость, как после двух концертов. До чего же это все унижительно! Знать, что ты в прекрасной форме, что публика тебя по десять минут со сцены не отпускает, что за границей во время гастролей о тебе в газетах — только все в превосходной степени, и выклянчивать себе концерты. Да что же это такое?

Людской поток в метро увлек ее привычной дорогой, втянул в вагон, сдвинул. И как-то успокоил. От метро домой она сделала крюк и пошла парком. Обычно шум деревьев, разноцветные листья под ногами, весь вид уходящей осени успокаивал, отвлекал от забот. Сейчас пустота внутри не проходила. Вспомнились какие-то фразы, брошенные ей на лестнице: «Тебя давно не видно. Болела, что ли? Тут слух прошел, что ты умерла...» Улыбочки, за которыми ничего нет, лицемерное сочувствие, за которым угадывается злорадство, вся эта обстановка фальши, лжи, прикрашенная легкими шуточками, ничего не значащими репликами, незамысловатым трепом, сплетнями. Вспомнила унижение, которое испытала в кабинете. Начинало накрапывать, она почувствовала, что замерзла в своей легкой курточке, без шапки, и пошла быстрее. Захотелось плакать, уткнуться в подушку и зареветь, пропади оно все пропадом! Навстречу по тропинке вприпрыжку скачет рыжий мальчик с собакой. Собака — огромная овчарка остановилась и стала обнюхивать ее колени.

— Не бойтесь, тетя! Она не кусается.

— А я и не боюсь.

Она наклонилась и потрепала пса по холке и за ушами. Пес лизнул ее мокрую щеку.

— Пойдем, Норд! Тетя, а почему вы плачете? Вам плохо?

— Нет, что ты. Это я от радости...

— Ааа... — протянул мальчик и, не найдя продолжения, свистнул собаке: — Пойдем, Норд, — и побежал по

Потом, шагов через двадцать, опять остановился и крикнул: — Может, вам чем-то помочь? — и не дождавшись ответа, побежал дальше.

Она смотрела ему вслед и думала, что если б не работа, ее любимая проклятая работа, может быть, это ее паренек бегал бы сейчас с собакой. Такой же худенький, подвижный. Ей стало еще грустней. Совсем стемнело.

Спала она крепко. Впервые за много дней. И снилась ей её маленькая деревенька Лоскутово, где родилась и выросла. Родная изба, вросшая в землю по окна, какой она увидела ее прошлым летом, неожиданно маленькой, словно игрушечной. Изгородь почти повалилась у огорода, все заросло сорняком в человеческий рост. Глухой лес начинался рядом с домом. В детстве она часто убегала из дома, подолгу бродила в лесу. На нее часто выходили разные мелкие зверьки, то белочка, то бурундучок. Вот и сейчас стала она их звать, только они почему-то внимания на нее не обращают, бегут себе мимо. Издали послышался знакомый с детства мамин голос. А вот и мама стоит на крыльце в белой косынке: — Доча! Доченька! Не убегай далеко, заблудишься...

НЕПРИДУМАНЫЙ ФИНАЛ БАЛЕТНО-АКРОБА ТИЧЕСКОГО ЭТЮДА

Начала я этюд хорошо. Пластическое *andante*¹ под очаровательную кантилену² славянского танца Дворжака мне удалось отлично. Легкий трепет, всегда сопутствующий вступлению на сцене, покинул меня с первых же тактов; грозный и загадочный провал зрительного зала сегодня казался милостивым и ясным.

Я еще не подозревала, какой он приготовил мне сюрприз. Уверенно я прошла вариациями всю площадку сцены до самой черты, за которой разместился оркестр, вот-вот начну переход в быструю часть этюда — самую красивую и трудную, выкованную из упругой стали, облитуую потом неустанных репетиций.

Я сделала высокий батман — мой каучуковый батман, успешно сменила его прыжком, встала на пальцы левой

¹ Умеренно медленный темп, способствующий медленному шагу (муз. ит.).

² Певучая мелодия (муз. ит.).

ноги, закинув правую опять в высокий батман; на несколько мгновений застыла в этой скульптурной позе и, напряжись всем телом, ушла в головокружительное фуэте... Снова на мгновение застыла в большом каучуковом батмане, перешла на широкий шаг на пальцах и приготовилась к самому трудному — повторить все это в очень быстром темпе. Радуюсь сегодняшней легкости, вошла в какой-то вихрь и, заканчивая эту стремительную смену поз и фигур, вылетела почти к самой рампе.

Публика начала аплодировать, раздались крики: «Браво, браво!» Среди них я узнала голос Лиды Семенихиной — великой балерины. Она искренне восторгается и часто задает мне один и тот же вопрос (впрочем, не только она)

— как ты можешь танцевать на голых пальцах без пуантов, да еще таким широким шагом?! Здесь, у рампы, я проделываю фокус: незаметно отстегиваю мантию, хитро приложенную к спине, внезапно распахиваю ее на раскинутых крыльями руках, встаю на пальцы. Перед ошеломленными зрителями возникает фантастическая, пылающая в лучах прожектора красными и синими блестками, удивительная птица. Я едва касаюсь пола пальцами ног вытянутых как струны, и птица вот-вот взлетит!

Я отбегаю назад, чтобы закончить номер головокружительным финальным трюком: взмахнуть мантией в луче прожектора, быстро отбросить ее назад и пробежать широким шагом на пальцах к авансцене. Исполняла я этот каскад хорошо — легко и радостно. В конце должна была собрать себя в сгусток воли, чтобы успешно закончить финальную часть номера, но почему-то этого «сгустка» не ощутила, скорее наоборот: в сердце возникла какая-то тревога.

Мне надо было войти в быстрое вращение, выполнить высокий прыжок и упасть, прикинув к полу большим шпагатом, упасть прямо с прыжка одним движением, потом встать и, отдавая должное акробатическому началу жанра, сделать легкое сальто, не касаясь пола пальцами рук. Этим заканчивается блистательный и труднейший номер — лучшее из всего, чем я владею.

Порой у меня возникало недовольство таким финалом, он казался мне лишеным сюжетного смысла и рассчитанным лишь на внешний эффект.

Итак, я приближалась к финалу, и вдруг — померещилось, что ли? Я увидела в зале Мартына с букетиком роз.

Мартын... Это он — видение вспыхнуло, пронеслось мимо и угасло. Угасла и я, — не закончив поворот, потянулась в прыжке. И... жгучая боль разорвала меня, пронзила все тело, впилась раскаленной стрелой в мозг... «Готово _ надорвала связки», — мелькнула страшная мысль. Наверное я нарушила какой-то адский закон этой чертовой биомеханики. Не помня себя, без звука упала, но упала «хорошо» — как будто так и надо было, словно бы это задумка такая. Я сникла в красивой позе, лежала, как цветок, свернувший свои лепестки.

Аплодисменты продолжались. Серый туман застил глаза, сцена и зал поплыли, смешались. Я собрала всю волю, лежала, не издавая ни стоны, стараясь прятать от публики лицо, искаженное болью, пыталась осторожно встать, раскинув крыльями руки.

Несомненно, публике казалось, что так надо, так задумано: упавшая с высоты птица с подбитыми крыльями пытается взлететь, но не может. Она выбивается из сил в стремлении вернуться к жизни, но злая воля прижала ее к земле. Птица не может встать. Она бессильна в своих попытках расправить крылья и взлететь.

Так оно и есть — не могу!

Испытывая нестерпимую муку, я привстала, вяло взмахнула руками-крыльями.

Оркестр продолжал играть. Конферансье понял, что случилось, и я услышала его тревожный шепот:

«Занавес, занавес». Занавес начал медленно сдвигаться.

Бог ведает, где я нашла остаток сил, чтобы приподняться на одно колено и, опустив голову, продолжать расслабленно размахивать руками, изображая трепет подбитой птицы.

В это мгновение я неожиданно обрадовалась случившемуся — какой чудесный, какой непридуманный финал! Эта мысль актрисы, для которой важнее всего хорошо задуманный и виртуозно исполненный замысел, затмила ощущения нестерпимой боли. Смешно! Неужели я обрадовалась такому финалу? Я же знаю, чем этот надрыв связок может закончиться. Я надолго выбываю из строя. Что там боль, Бог с ней — переживу. Но вот выбуду из строя... От этой мысли стало страшно. А занавес сдвигался, вот-вот закроет меня. Я встrepенулась, привстала, вскинула руки и медленно опустилась на пол.

Занавес закрылся.

Я услышала громкие аплодисменты, скандированное «молодец», «браво, браво», а в голове только одно — какой чудесный, какой непридуманный финал... Когда меня осторожно поднимали с пола, я улыбалась. Скрипач Сева прошептал:

— Чему ты так улыбаешься, глупая?

— Какой чудесный непридуманный финал!

Еще мгновение, и потеряю сознание. Но я продолжала тихо, как бы про себя, повторять: какой чудесный, какой непридуманный финал...

Я заплакала, попросила поставить меня на ноги, приоткрыть занавес — мне хотелось показаться публике. Аплодисменты не кончались — публика поверила во всамделишность происшедшего. Сева и конферансье приоткрыли занавес и поддерживали меня за талию. Я поклонилась, бессильно взметнув отяжелевшие руки — крылья.

Меня положили за кулисами на сдвинутые стулья, концерт тем временем продолжался — выступал с комическим номером дуэт комиков.

Сева убеждал, что нужно вызвать «скорую» и отвезти меня в институт травматологии. Нет... нет... только домой — я преодолею все! Знала, какая мне предстоит мука, знала, что лишусь сна, знала, что почернею от боли; знала и то, что вылечусь сама — разработаю самыми нестерпимыми упражнениями, непременно разработаю, непременно вылечусь, заставлю связки срастись! Стану в строй и повторю свой номер с этим чудесным непридуманным финалом «подбитая птица...» Я радуюсь счастливой находке. Чему же я, глупая, радуюсь — нестерпимой боли? Нет — находке! Я ее выстрадаю, овладею ею до полного совершенства. Какой чудесный финал! Боль пройдет, а финал останется!

После пребывания в специальном, стягивающем приспособлении, я принялась проделывать упражнения — тысячу упражнений, затем приступила к быстрой ходьбе, потом ко всему присоединила бег по обжигающему снегу, купание в ледяной проруби и, наконец, о радость! — я уже могла совершать священное для меня таинство — репетировать номер за номером. Связки должны (должны!) срастись накрепко. Скованность должна пройти, и нога должна (должна!) обрести прежнюю гибкость и устойчивость.

Пробую встать на голые пальцы и встаю, хожу, пробегаю без пуантов широким шагом через всю комнату, и снова боль

— этот неумолимый и лютый зверь вонзается в меня острыми, не знающими жалости зубами. Я терплю, терплю, терплю... Связки должны срастись.

Я приказываю им, усложняю упражнения, удлиняю репетиции. Боль не сдается. Нога ноет. Она хитра, эта боль: затаится, замолчит, спрячется где-то в глубине и в самый ответственный момент опять нападет на меня.

Я приказываю боли: — Молчи! — и она не выдерживает моего презрения к ней, моя воля побеждает ее. К 8 Марта будут концерты, я буду в строю! Исполню свой этюд с непридуманным финалом «подбитая птица». Как же быть с ней, с подбитой? Она должна ожить, должна взметнуться ввысь? Нет, это избитый и дешевый happy end¹, лишенный драматизма и нравственного смысла. Птицу убили злые люди — те, кто равнодушно разрушает природу; убили злые враги всему живому; убили те, кто едва не совершил поворот северных рек вспять, они убили чайку, не ведая, зачем.

Мой долг воплотить эти мысли в художественный сюжет и воссоздать его средствами моего искусства, каких бы мне ни стоило это мук.

Я с упоением продолжала грезить о финале, заглушая боль, тренировалась, бегала, купалась в проруби, репетировала. Все больше думала о музыке — финал буду исполнять под музыку Равеля. Ее надо будет удачно сочетать с началом номера. Сева сумеет это сделать, он одаренный музыкант.

Врачи считали меня сумасшедшей, их настойчивые звонки раздавались каждый день:

— Нужна срочная операция.

— Поймите, срощивание пошло неправильно. Вы лишитесь ноги!

— Мы не ручаемся за твою жизнь...

Валюшка, близкая подруга — добрая и заботливая (ее невозмутимым спокойствием признанного хирурга я восторгалась), наблюдая мои неистовые упражнения и неустанные репетиции, ледяные купания, приходила в ужас и призывала меня, чуть не плача, к благоразумию:

— Опомнись, сумасшедшая! Фанатичка! Ты погибнешь!

¹ Счастливый конец (англ.).

Милая, добрая подружка моя, дорогой мой доктор, я не «психушка» — просто выпало счастье — нашла такой чудесный, такой непридуманный финал. Мне надо скорее в строй!

Я продолжала день за днем усложнять свою тысячу упражнений, бегала, купалась в проруби. О, как это было поначалу больно, как хотелось по ночам, когда нога пылала, ломало все тело, горел мозг, уснуть, выспаться!

Звонки продолжались:

— Ты умрешь от истощения.

— Вы лишитесь ноги.

— Дайте нам подписку, что вы отказываетесь от операции. Поймите же, своим неистовым служением придуманному вами кумиру только заглушаете боль, гоните ее из своего сознания. Процесс продолжается. Он может охватить всю ногу. Да, да, всю ногу!

— Тебя надо посадить на цепь. Посмотри, на кого ты стала похожа, фанатичка!

— Финал, финал! Долго ты не протянешь. Таким будет твой финал.

И опять Валюшка:

— Тебе нужен номер с непридуманным финалом или тебе нужна...

Я перебила ее: — Мне нужна жизнь, жизнь для того, чтобы жил номер.

Я отключила телефон. Не желая пугать друзей его молчанием, давала о себе знать по вечерам:

— Жива, упражняюсь, бегаю, приступила к репетициям под музыку. Как это не болит? Конечно, пока еще болит. Нога? Нет, пока еще есть опухоль у лодыжки. Простите, я тороплюсь — бегу к проруби... Ха-ха, топиться! Нет, дорогая, что вы, только выкупаться перед сном. Ну, всего хорошего. Да, буду звонить по вечерам, днем телефон у меня выключен.

Я бегаю, побеждаю боль, побеждаю травму. Почему-то во время бега вспоминаю все, как было с Мартыном. До этого времени бегала, ни о чем не думая, только глядела на проплывающие верхушки сосен. Теперь бегаю и все думаю о Мартыне. Как же это получилось у меня? Рядом с ним было так хорошо. Его теплая добрая улыбка, и весь он — такой добрый... Мы так хорошо понимали друг друга. Нас могла крепко связать любовь. Она только начинала теплеть в наших сердцах и вдруг оборвалась, и виновата в этом я!

Постоянно возникал в памяти тот вечер. Мартын стоял рядом со мной. Он молчал. Я сидела в кресле и плакала. Сквозь слезы поведала, как мне грустно расставаться с Жаном.

Жан... Он внезапно приехал к нам в город на длительные гастроли. Его пение очаровало меня, он со сцены выглядел ослепительно молодым. Я слушала его, смотрела на него, холодея от мысли, что он вскоре уедет, наверно, навсегда. Я приехала к Мартыну заплаканная. Приехала, глупая, ища сочувствия: Жан давал последний концерт, завтра он уедет. Я сидела в зале и плакала, не обращая внимания на сидящих рядом.

Я не понимала, насколько мои слова — жестокие слова — могут ранить Мартына. Я ничего не воспринимала, ничего, кроме собственной эгоистичной печали — мне грустно, мне тяжело, и все тут... О Мартыне не подумала.

— Хорошо, не плачь, — тихо сказал Мартын. — Ты любишь его, я уйду с твоей дороги. — Больше он не сказал ни слова.

Я снова заплакала...

Под напором грустных воспоминаний, я бегу совсем медленно. Мы расстались с Мартыном, вернее, он «ушел с дороги». Ему это было тяжело. Моя рука тянулась к телефонной трубке, но я не решалась позвонить: сознание вины сковывало руку — она, повиснув в воздухе, опускалась.

Жан уехал и тоже исчез с моей дороги.

Воспоминания нахлынули на меня. Я побежала совсем медленно, а мысли пронеслись вихрем, кружили голову, им в ответ отзывалась боль в ноге.

Время шло, и я, пребывая в одиночестве, не чувствовала его неумолимого хода благодаря неистовой, преданности своему искусству. Все написанное, все сказанное обо мне как о создательнице нового жанра, вдохновляло меня, и горечь одиночества не давала о себе знать.

Я остановилась. Да, я так давно не видела Мартына, и как мне не хватает его бархатного взгляда, доброй улыбки, не хватало его самого.

Что же это, почему в последнее время я так часто с грустью вспоминала о нем, особенно в тот день концерта с непридуманным финалом.

Кстати, где же были его цветы? Среди многих брошенных мне букетов, подобранных на сцене и переданных мне, — ни одного букета из роз! Что это? Мистика какая-то! Он же был

в зале, держал в руках букет из роз — букет его любимых цветов. Он часто дарил мне розы... Я любила алые розы... Наверное, на сцене не успели подобрать, наверное...

Боль немного утихла, и я побежала быстрее.

Прошли недели, опухоль опала, боли затихли. Врачи разводили руками:

— В медицине все-таки бывают чудеса.

— Ну, как хотите, а поверить трудно.

— Нет, вы только посмотрите... Вы только подумайте...

Не унималась только Валюшка:

— Хватит! Нужна операция, и все тут! Ты, во имя сокровенной цели, просто героически преодолеваешь боль, ты заглушила ее. Это дает временный эффект. Верить ему нельзя. Ты ведьма. Не человек ты — ведьма!

Я с улыбкой заметила:

— Не ведьма, а ведьмочка. Ты только подумай, какой чудесный, какой непридуманный финал!

Я еще не считала себя готовой к выступлению на сцене, но уверенность в себе возрастала. Я гордилась собой.

Я приступила к самопроверке по правилу артистов цирка. Оно называется «опять двадцать пять». Это значит, что надо, репетируя трудные места номера, повторять это место по крайней мере двадцать пять раз. И все двадцать пять раз выполнить задачу безупречно; случится сбой на любом счету, хоть на двадцать пятом — повторить все сначала!

Я продолжала тренироваться по этому правилу, ведь 8 Марта на носу, скоро будут концерты. Я задавала себе вопросы, готова ли я, не сорвусь ли снова в приступе притаившейся боли? Может быть, уснет он, лютый зверь, и проснется как раз на сцене, когда все тело сжато пружиной, когда я брошу себя в высокий прыжок... Мне становится страшно. К тому же меня начинают точить грустные воспоминания о Мартыне — я так виновата перед ним, где он, Мартын?

Приближалась очередная мучительная ночь, я жду от нее покоя и отдыха, но...

* * *

Концерт начался. Из-за кулис я вижу фантастически огромную сцену, она уходит в никуда. Сверху на сцену льется мистический зеленоватый свет. Зрительный зал огромен, темнее обычного, но почему-то время от времени в его глубине вспыхивает яркий свет и освещает угрюмые лица зрителей, среди которых почему-то много бородатых мужчин. Я выхожу на сцену, оркестр играет, но я его не слышу, он

только делает вид, что играет, а на самом деле молчит. Я начинаю номер и валю трюк за трюком, срываю позы, ноги деревенеют, руки отказываются подчиняться... Вдруг какая-то сила толкает меня, и я бегу не на пальцах, а на полной ступне к рампе. Не могу удержаться, вот-вот упаду в оркестровую яму. Чья-то рука меня ловит за талию и спасает от падения, зрители смеются, смеется удерживающий меня человек, смеются музыканты. Почему они разместились в оркестровой яме, ведь в моем номере оркестр сидит на сцене? Рука выпускает меня, я падаю вниз и... просыпаюсь.

Вот такие меня стали одолевать сны.

8 марта все приближается. Я закрыла больничный лист. Наконец, не поверив снам, уверив себя, что готова к исполнению труднейшего, а потому самого любимого номера, решила показать его в служебном просмотровом зале.

Друзья искренне хвалили, да и сама я измученной своей душой ощутила, что номер удался. Начальство, соблюдая свой престиж, проявило сдержанную вежливость, так мне казалось, и мною овладело радостное ощущение счастья.

Я, проходя к раздевалке, невольно остановилась у двери в комнату для курения. До моего слуха донеслись слова в мой адрес — обсуждалось, не видя меня, мое исполнение нового номера:

— Она отлично работает.

— Да, сейчас у нее расцвет. И это после такой травмы. Что говорить — молодец.

— А номер какой подготовила, какой финал!

— Надо же, сколько у нее терпения, воли и упорства.

— Заметьте, сколько таланта и как много трудится.

— Да, артистка с большой буквы.

Мне казалось, что я взмыла в воздух и поплыла, не помня себя от счастья. Я счастлива! Наконец-то.

Прошло несколько дней. Стоя у окна в предвечерний час, с восхищением наблюдала за удивительной игрой уходящего света, сменой красок, бегущих от розового к голубому, а затем — к густой глубокой синеве. Какими красивыми бывают краски в конце зимы. Видимо, прощаясь, она стремится оставить о себе добрые воспоминания. Я с удивлением заметила, а может быть, внушила себе, что это чередование света, их быстрая смена следуют в порядке, обозначенном кругом Гёте. Эти мысли меня теперь особенно увлекали — ко мне вернулась страсть к живописи. Я ее забросила и недавно снова вернулась к ней.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Не спеша я направилась к телефону. В трубке раздались частые гудки — меня не дождались. Я быстро прошла снова к окну, желая продолжить свои наблюдения, запомнить их, записать потом по памяти на холст. Телефон зазвонил снова. Кто-то, к моему неудовольствию, не пожелал класть трубку — звонки продолжались долго с упрямой настойчивостью.

Негодую, я направилась к телефону.

— Алло, алло! Это наконец вы, — грубо и раздраженно заговорил голос Андросова, — я весь день только и делаю, что звоню вам. Знаете, у меня не только ваши два концерта...

— Не знаю, сколько у вас концертов, не знала, что вы собираетесь мне звонить. И, видите ли, позволила себе не дежурить у телефона круглосуточно.

— Ну ладно, не время препираться. К нам поступили заявки на ваше участие в двух ответственных концертах. Заказчики настойчиво просили именно вас. Знаете, пришлось все-таки их просьбу удовлетворить. Да, пришлось...

— Почему же «пришлось»? Я уже в строю, на просмотре меня одобрили, и вы...

— Не придирайтесь к словам, вам надо принять участие в больших концертах — в Посольстве, там прием по поводу национального праздника. Будет дипломатический корпус и приглашенные важные лица.

— В каком Посольстве, когда?

— В заявке все будет указано. Приезжайте к нам. Концерт в Посольстве через два дня.

— Ну, а где же второй концерт?

— Во Дворце культуры металлургов. Алло! Чего вы молчите? Алло!

Я не могла очнуться. Стояла, закрыв глаза, — какое счастье. Я снова буду выступать в концертах!

— Хорошо, хорошо, — затараторила я. — Спасибо. Я так рада, завтра утром приеду. Завтра, до встречи, до свидания...

Я положила трубку. В эти мгновения, счастливая и радостная, я готова была обнять весь свет. Я закружилась в танце... Я буду танцевать, танцевать, танцевать... Я покажу свой коронный танец — «Подбитая птица». Зрители увидят его... Они вместе со мной будут грустить о подбитой птице, они всей душой, затаив дыхание, с бьющимся сердцем пожелают ей взлететь... Надо немедленно позвонить Севе — буду танцевать в сопровождении скрипки соло!

Сева примчался, не медля ни минуты, и мы репетировали до поздней ночи. Отдыхали и снова репетировали. Моя комната окрасилась теплой розовой зарей, и тогда я, очнувшись, уже обессиленная, сказала себе — хватит!

Оба концерта имели успех. Были цветы, возгласы «браво». Ко мне за кулисы приходили незнакомые люди и благодарили. Я выходила на «бис» и повторила финал — снова аплодисменты, возгласы «браво». Я долго ощущала аромат роз, подаренных мне женой посла. Удивительно! — их цвет был такой же, как у роз Мартына.... Не внове мне аплодисменты и цветы. Успех окрылил меня, укрепил веру в себя. Я пришла к этой вере, преодолевая так недавно мучительные боли, с немислимым упорством собирала волю в слиток любви к своему поприщу и преданности призванию. Теперь я поверила в то, что у меня наступит благодатный период творчества — он принесет мне огромное ощущение счастья бытия. Я буду еще более беззаветно служить своему призванию — я уверовала в свое ближайшее будущее.

На втором концерте — во Дворце культуры меня посетила еще одна радость. На сцену принесли корзину цветов. Я узнала их, как узнают лицо дорогого человека — это были цветы от Мартына. Боже мой! Сколько же мне даровано радости!

О моем успехе узнало начальство. Ну, теперь будут концерты. Но молчит администрация, молчит...

Дни проходят за днями, начальство молчит. Неужели нет концертов? Этого не может быть! Я же давно сообщила им, что вступила в строй, жду концертов, полностью готова. Мой номер просмотрен и одобрен. Два концерта, да еще каких, прошли успешно. В чем же дело? Почему же ждут? А-а, наверное, заботятся о моем здоровье. Понятно, понятно... Надо позвонить и обрадовать их — я здорова, жду сообщений о концертах.

В одно прекрасное, как говорится, утро мое начальство вдруг позвонило. Знакомый женский голос был вкрадчив, елеиневежлив, но иногда с этого тона срывался. Тогда скрытые под елеиневежливым покровом скрипучие, жесткие нотки оголялись и давали о себе знать. Голос поинтересовался моим самочувствием, выразил надежду на полное выздоровление, он попытался на этом закончить разговор, но я не выдержала.

— Пойдите, пойдите, а как же с концертами? На какие числа вы меня занимаете? Погодите, я буду записи

вать. — Я заторопилась, — вот... Я готова, так на какие же числа, на каких площадках?

Пауза. Она продолжалась для меня мучительно долго.

Голос откашлялся. Через несколько секунд, уже без елейно-вежливого тона, со скрипучей интонацией мне было сказано, что с концертами пока неясно, ничего определенного пока нет.

Мне пожелали здоровья и повесили трубку. Я застыла в недоумении и понять не могла ничего.

Бог с ней, — подумала я, — кто она такая, позвоню завтра Андросову, он уточнит.

Я продолжила неистово тренироваться, репетировать и повторять, повторять фрагменты финала по принципу «опять двадцать пять».

На следующее утро позвонила Андросову. Ответ его меня озадачил:

— У меня вы нигде больше не записаны. Те два концерта были заявлены не теперь...

— Что же это значит? Я ведь полностью поправилась и готова работать... Вы меня просмотрели, упреков я не слышала. Последние два концерта прошли с большим успехом. Вы знаете об этом. Так как же это? Что же это значит? Как понять это ваше «не теперь?»

Пауза.

— Гм, не знаю, не знаю... Да, чуть было не забыл — с днем рождения и с предстоящим вас праздником...

Андросов заспешил и положил трубку.

— Спасибо, — крикнула я в отключенную трубку. Спасибо... Что же это значит? Ничего не понимаю. Отключенная трубка издавала пронизывающие частые гудки.

Наступило 8 Марта. Утром пришла телеграмма. Я обрадовалась. Ведь мне стукнуло 37. Телеграмма, наверное, поздравительная. В отделе кадров ведется такой учет. Я раскрыла ее, прочитала в одно мгновение, и затаившийся лютый зверь с упоением и радостным ворчанием снова впился своими безжалостными клыками в мою многострадальную ногу. Он мстил мне за то, что я ценою невероятных усилий, жертвуя собой, приводила его и врачей в смятение: за то, что крики друзей «ты умрешь от истощения», «ты сумасшедшая», «психушка», «фанатичка», «мы не ручаемся за твою жизнь», — я превращала в шутку, не слышала их.

В мозг вонзилась раскаленная стрела, как тогда, на концерте, в котором родился непридуманный финал, и как тогда, перед глазами поплыл серый туман...

Я еще раз прочитала телеграмму, проверила адрес — мне ли она послана? Да, конечно, мне. Сомнений нет. Я еще раз прочитала:

«Просим явиться не позднее 10 марта отдел кадров подачи заявления увольнения вас пенсию».

Как это «увольнения вас пенсию»? Почему так поспешили? Знают, что я в своем мастерстве ничего не убавила, наоборот — прибавила. Ведь совсем недавно с травмой справилась, хвалили, поощряли. Одних грамот то сколько! И почему телеграмма, разве это так делается? Да еще в день праздника и сразу после моего дня рождения? Вот так подарок! А как же номер с непридуманным финалом?

Я получила свою трудовую книжку. Снова нога заныла, распространяя боль по всему телу. Воля моя исчезла. Я подавлена, смята.

Вот и наступил чудесный финал «подбитая птица». Я подбитая птица. Помогите встать, расправить крылья!

— Покажи ногу, сумасшедшая.

— Осмотри ее, Вальюшка, мой дорогой доктор.

— Не шути! Шутить больше нельзя. Я вызову машину, отправляйся немедленно в больницу.

— Вызывай, дорогой мой доктор. Я отправлюсь в больницу. Мое колдовство, чары ведьмы теперь уже бессильны. Их повелитель — Цель, служение призванию, убит. Теперь неограниченно господствуют другие повелители, имя им бездушные, черствость. Я бессильна против них.

Мартын принес в больницу букет моих любимых роз. Я уже ходила на обеих ногах без палочки. Мы вышли и направились в больничный зимний сад (есть и такие больницы).

— Где ты взял розы, Мартын? Ведь сезон роз кончился.

— Я соорудил теплицу и вырастил их, вывел такие — твоей любимой окраски. Они всегда стояли в том месте, где ты сидела в тот вечер после прощального концерта Жана. Все время чувствую себя виноватым перед тобою.

— В чем же ты виноват, Мартын? Ведь виновата я.

— Я должен был бороться за тебя, но в борьбу не вступил, бежал, как трус с поля боя. Я оставил тебя.

— Теперь ты уже не уйдешь с моей дороги?

— Нет.

Задыхаясь от нахлынувших чувств, я остановилась перед сломанной ступенькой в зимний сад. Мартын подхватил меня на руки. Мне казалось, что мы через поломанную ступеньку перелетели. Он поставил меня на твердую почву и посмотрел своими бархатными глазами.

— Мартын, как ты мог совершить такой прыжок, да еще на руках со мной?

— У меня выросли крылья.

— Мартын, с этого момента ко мне снова возвращаются мои колдовские силы. Они теперь опять в моей власти, у них новый всемогущий повелитель.

— Кто же он, этот повелитель?

— Доброта, справедливость.

— К этим повелителям вскоре присоединится еще один — самый могущественный.

— Кто он?

— Милосердие.

Мартын показал мне фотографии красивого дома.

— Здесь, в этом доме, дети. Ты будешь учить их. Благодаря твоему милосердию они узнают о прекрасном, потянутся к красоте.

Мы сели на скамеечку под молодой яблоней. Мне казалось, что вот-вот она расцветет на наших глазах и повеет на нас дивным ароматом. Я посмотрела на яблоню, на солнечные блики на стеклах зимнего сада. Мне мучительно захотелось взяться за кисть и поймать их на холст. От этой мысли увлажнились глаза, я почувствовала, что плачу от радостного волнения. Мартын утирал мне пальцами слезы.

— Прости, Мартын, я плачу от радости. Мне было так тяжело...

— Слезинки на твоих ресницах заблестели удивительной игрой света.

— Да, Мартын. Сквозь эти слезинки я увидела свет новой картины. Я вскоре напишу ее.

— Прекрасное в тебе не убито. Ты ответишь на все талантом.

— Я отвечу милосердием.